

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Н. Л. БРОДСКОГО, А. Е. ГРУЗИНСКОГО,
Н. М. МЕНДЕЛЬСОНА, Н. П. СИДОРОВА.

Выпуск 3-й.

В. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ.

А. П. ЧЕХОВ

В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ
===== И ЕГО ПИСЬМАХ. =====

СОДЕРЖАНИЕ: I. Предисловие автора. II. Автобиография. III. Хронологическая канва. IV. А. П. Чехов, его эпоха, среда, личность и творчество в воспоминаниях современников. V. Письма А. П. Чехова. VI. Письма к А. П. Чехову. VII. Из записной книжки А. П. Ч.—VIII—План „Лешего“. IX.—Библиография.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Т-ва „В. В. ДУМНОВА, насл. бр. САЛАЕВЫХ“.
МОСКВА, — 1923 г.

Об А. П. Чехове.

Из воспоминаний Мих. П. Чехова **).

В жизни Антона Павловича Чехова были три эпохи, которые отразились на всем его творчестве. Он и сам признавал это. Это были: поездки к некоему Ивану Парфентьевичу в усадьбу и к его племяннику Кравцову на далекий хутор в донских степях, когда еще А. П. был гимназистом; затем — г. Воскресенск и усадьба Бабкино, Московской губ., где А. П.

*) Я не читал этой статьи и цитирую со слов Чехова.

**) Чеховская библиотека. О Чехове, Чеховский сборник 1910. В 1923 г. в Москве вышла книга М. П. Чехова „Антон Чехов“ и его сюжеты, куда вошел материал этих воспоминаний. В. Л. Р.

провел четыре года тотчас по окончании курса университета, в, пилонен, Мелихово, где он был уже землевладельцем. О первой эпохе я не знаю ничего, кроме того разве, что А. П. рассказывал мне сам. Благодаря впечатлениям именно этой эпохи, были написаны им: «Степь», «На пути», «Жалобная книга». Я помню, как он со смехом рассказывал о такой книге где-то на станции донецкой дороги. В поездку к Кравцову А. П. бывал на каменно-угольных копях и там же слышал звук сорвавшейся бадьи, о котором упоминается в «Счастьи» и в «Вишневом саду». Донецкая дорога тогда еще только строилась, и здесь ему пришлось наблюдать постройку железнодорожной насыпи, которую он описал в «Огнях». Тут же напугал брата оторвавшийся от поезда товарный вагон, о котором говорится в рассказе «Страх».

Окончив курс гимназии, А. П. приехал в Москву в университет и поселился вместе с семьей, которая переселилась из Таганрога еще раньше. Я тогда был гимназистом. Мы жили очень бедно, и приходилось всем нам, братьям, искать заработков. Я переписывал лекции, брат Иван Павлович, 18-тилетний юноша, держал экзамен на народного учителя и в 1880 году был назначен в приходское училище в Воскресенск (Новый Иерусалим), куда и уехал; а А. П. послал в «Стрекозу» свой первый рассказ «Письмо к ученому соседу», с которого и началась его литературная деятельность. Вскоре затем он стал работать и в других московских изданиях, и на пространных 2—3 лет, помнится, написал целые романы: «Неужная победа» (в «Будильнике»), «Цветы зановдальме» (в «Свете и Тенях») и «Золотая роса» (в «Москве»). Романы эти в его сборники не вошли вовсе.

Каждое лето наша семья выезжала к брату Ивану Павловичу в Воскресенск, а А. П. оставался в Москве писать. После тяжелой работы ему волей-неволей приходилось с покойным братом Николаем развлекаться в Сокольниках, в Богородском и вообще в тех дачных выездах, которые с таким юмором описаны им во многих его рассказах («Дачники», «Лишние люди» и др.). В 1884 году А. П. окончил курс университета и переехал на лето к нам в Воскресенск.

Тогда это был маленький городишко, скорей похожий на небольшое село, с одною только церковью. Управлялся он полицейским надзирателем, которого звали «городничим», и вообще, жить в нем было дешево и приятно, так как окрестности его прекрасны. К тому же общество интересное и дружное. Между прочим, в Воскресенске проживал тогда П. Д. Голухастов, известный своими работами по предполагаемому в начале 80-х годов созыву Земского Собора. Жена его, Ольга Андреевна, была литераторшей, писала комедии и драмы. В городе стояли батареи, которой командовал симпатичнейший

полковник Б. И. Маевский. Было несколько офицеров и батарейных дам. Приехав в Воскресенск, А. П. застал у семьи Чеховых уже порядочный круг знакомых. Каждый вечер все вместе играли в крокет и совершали далекие прогулки. Центром была семья Маевских. У них были дети: Аня, Соня и Алеша, которых очень полюбил А. П., часто возился с ними, говорил глупости и описал их в «Детворе». Батарея эта дала А. П. его сведения по военной части («Поцелуй», «Три острия»). Я слышал от брата Ивана Павловича, что почти перед самой постановкой «Трех сестер» А. П. очень хотел повидаться (а может быть и повидался) с бывшим тогда в отставке полковником Маевским, чтобы поговорить с ним о военной части в «Трех сестрах».

В двух верстах от Воскресенска была Чикинская земская больница, которой заведывал известный тогда земский врач П. А. Архангельский. К нему съезжались на практику многие студенты-медики и молодые врачи. Окончив курс в университете, А. П. на первых порах хотел, было, заняться врачебной практикой и даже повесил вывеску на дверях: «Доктор А. П. Чехов» и подавал прошение в Московскую детскую больницу, куда хотел определиться на службу. Скоро он близко сошелся с П. А. Архангельским, часто принимал у него больных и, вообще, любил бывать в Чикине. Больница эта дала ему темы для многих его рассказов («Хирургия», «Палка», «Горе», «Беглец»). В Чикинскую больницу к Архангельскому наезжал также и врач Звенигородской земской больницы С. П. Успенский, молодой человек из семинаристов, говоривший на «ты» и со всеми обращающийся на «ты».

— Послушай, Антош Павлов,—обратился он к писателю,—я, брат, поеду в отпуск, а заменить меня некем... Послушай, брат, ты за меня. Моя Цезаря будет тебя кормить. И гитары есть...

А. П. подумал, согласился и, взяв меня с собой, переехал в Звенигород. Это жалкий городишко, в котором находится административный центр уезда. Все правительственные учреждения помещались там в то время в одном желтом доме на горе, в том самом, про который в одном из своих рассказов А. П. написал: «Здесь и юстиция, здесь и полиция, здесь и милиция—совсем институт благородных девиц». Заведую Звенигородской земской больницей, А. П. сидел по обязанности на вскрытиях и близко ознакомился со всем укладом уездной чиновничьей жизни. Уездные сьезды мировых судей, судебные следствия, поездки на вскрытия—все это в рассказах А. П.ча навеяно ему Звенигородом. Еще раньше, у Маевских в Воскресенске, мы познакомились с местным неприменным членом А.С. Киселевым. И теперь, когда мы с братом ходили на сессии в уездный сьезд, на который в качестве члена приехал и

Киселев, то милый непременимый член во время разбирательства делал нам глазаки.

А.С. Киселев жил в 5 верстах от Воскресенска, в своей усадьбе Бабино, а самый Воскресенск отстоял от Звенигорода на 21 в. Племянник знаменитого молдавского господаря и парижского посланника, графа П.Д. Киселева, Алексей Сергеевич Киселев был женат на Марии Владимировне Бегичевой, дочери В.П. Бегичева, известного красавца и директора императорских театров, описанного Маркевичем в его романе «Четверть века назад». Сам Владимир Петрович был в это время в отставке и жил у своего дяди в Бабине. Это был предобрый и пренеприятнейший человек, послуживший А.П. оригиналом для графа Шабельского («Иванов») в Гаепа («Вишневый сад»). В большом бабинском доме он занимал маленькую комнатку, обставленную по-женски, с окнами, выходящими на реку и лес. Вид из этих окон был нарисован художником И. Левитаном и составил одну из лучших его картин.

До 1885 г. мы бывали у Киселева в Бабине только гостями, а с этого года уже три лета под ряд прожили в самом Бабине на даче, куда нас пригласили сами Киселевы. Семья Киселевых была одной из тех редких семей, в которых были еще живы сословные традиции и которые в то же время во всей округе были носителями культуры. Мы, братья Чеховы, целыми часами засиживались в комнате у В.П. Бегичева, и он рассказывал нам свои похождения в России и за границей. Ах, какой это был увлекательный человек! С каким юмором, к помню, он рассказывал один из эпизодов, описанный А.П. в рассказе «Володя» (трагический конец приделан самим А.П.-чем), и случай с чихнувшим чиновником, воспроизведенный братом в рассказе «Смерть чиновника». Мария Владимировна, близко знавшая Даргомыжского, Чайковского, Сальвини—рассказывала нам о них. Напевавший бывший тенор оперы М.П. Владиславлев (давний славу известному романсу «На горе, на реке хуторочек стоит»), несмотря на старость, все еще под романсы и выдерживал фетиво на полторы минуты. Красивые дети, Саша (девочка) и Сережа, бегавшие по прекрасному саду, в котором, несмотря на близость людей и собак, безбоязненно днем и ночью пели соловьи,—дополняли картину земного счастья. Недалеко, по ту сторону реки, в деревне Максимовке жил художник П.И. Левитан, хороший друг Антона Павловича. Было чрезвычайно интересно. Здесь, в Бабине, случился «Налим». Я, как сейчас, вижу и купальню, и мужиков, и пастуха.

Просыпались очень рано. Часом в семь утра А. П. уже сидел у себя за столиком и писал. Писал он тогда в «Осколки» и в «Петербургскую Газету», и во всех почти рассказах того

времени можно увидеть ту или иную картину Бабкина, то или иное лицо из бабкинских обывателей или из обывателей тяготивших к Бабкину деревень. Обедали в час. После обеда моей компанией шли по грибы в Дарагановский лес. А.П. был страстным любителем искать грибы и во время ходьбы по лесу легко придумывал темы. Близ Дарагановского леса стояла одинокая полевицкая церковь, всегда обращавшая на себя внимание покойного брата. В ней служили всего только один раз в год, на Казанскую, и по ночам до Бабкина долетали только унылые удары колокола, когда сторож звонил часы. Эта церковь с ее домиком для сторожа у почтовой дороги, наконец, дала брату мысль написать «Ведьму» и «Недоброе дело». Возвратившись из лесу, пили чай. Затем А.П. опять писал или играл в крокет, а в 8 час. ужинали. После ужина шли в большой дом к Киселевым. Это были превосходные вечера. А.С. Киселев и В.П. Бегичев сидели у стола и расслаивали пасынок, гувернантка Елизавета Александровна сопровождала, тенор Владиславлев пел, а мы все, Чеховы, хохликались вокруг Марии Владимировны и слушали ее рассказы о заграничье, о Чайковском, Даргомыжском, Сальвини. Пели дети. С подворья доносились или пение соловьев, или же стук дождевых капель о стекла. Пела и Мария Владимировна. Я положительно могу утверждать, что любовь к музыке развилась у брата, А.П., именно здесь. Брат шутил, был всегда весел, говорил глупости. Левитан рисовал в альбом странные виды, а А.П. делал под его рисунками подписи следующего содержания: «Вид кипариса перед вами, Василисы». Василисой он называл девочку Сашу Киселеву. Дети называли А.П.-ча Васей. Когда раз А.П. поймал карася, девочка сказала ему в отместку: «Вася поймал карася». В эти вечера много говорилось о литературе, художестве, смаковали Тургенев, Писемского. Щедрин не сходил с уст. Много читали. Получались все толстые журналы.

Замечательно, что и П.И. Левитан, создатель школы русского пейзажа, начал тоже с Бабкина, куда вскоре же переселился из Максимовки.

Благодаря жизнелюбности и природы и милых обывателей, А.П. и сам был жизнелюбив. Он писал, критика его знавала, сулила ему хорошее будущее, он был здоров. Иногда он дурил. Бывало, в летние вечера он надевал с Левитаном бухарские халаты, мазал себе лицо сажень и в чалме, с ружьем, выходил в поле по ту сторону реки. Левитан выезжал туда же на осле, слезал на землю, расстилал ковер и, как мусульманин, начинал молиться на восток. Вдруг из-за кустов к нему подерывался бедуин—Антон Павлович и падал в него из ружья холостым зарядом. Левитан падал навзничь. Получалась совсем восточная картина... А то, бывало, судили Ле-

витапа. Киселев был председателем суда, Антон Павлович — прокурором, специально для чего гримировался. Оба были в мундирах, шитых золотом. Брат говорил обвинительную речь, от которой все умирали от хохота. Гостивший тогда у нас старший брат, Александр П., защищал. Были и присяжные, и стража. Антон Павлович всегда был весельчаком и большим юмористом.

В Бабыне мы прожили три года под ряд, приезжали туда и зимой. А 1887-й год был для А. П. уже роковым. Вот что писал он тогда к брату Николаю:

... «Кто мнит себя виновным, тот всегда ищет себе оправдания извне: пьяница ссылается на горе, П.—на цензуру. Брось и сейчас семью на произвол судьбы, я старался бы найти себе извинение в кровохаркании».

Следовательно, чахоткою А. П. захворал уже в 1887 году, вскоре по возвращении из Бабына в Москву. К тому же, тогда он очень плохо спал, спал тревожно, скрежестал зубами, видел тизкие сны. Среди сна его что-то, как он говорил, «дергало», внутри его что-то с болью обрывалось, и он буквально на пол-аршина подскакивал всем телом над кроватью и в ужасе пробуждался. Впоследствии, чтобы только заснуть, он выпивал на ночь по бутылке полчас дрянного, деревенского, кабацкого пива. Сны ему снились страшные. Одна раз, уже в Мелихове, его испугал во сне черный монах, который послужил потом темой для рассказа того же названия.

Тогда же начался в литературе брата перелом. Начался он с «Панихиды», впервые напечатанной в «Новом Времени», и затем уже во всех его последующих рассказах стала звучать грустная нотка. О сотрудничестве в «Осколках» он уже не думал: в «Новом Времени» для него открылись специальные «Субботники», да и года, повидимому, стали брату свое. Он сильно стал кашлять по ночам. Стал серьезен, рассудителен, стал реже шутить, говорить глупости. Затеянный им костюмированный вечер, когда мы жили на Якиманке, был последним, когда он гримировался. Именно, к этому времени принадлежит его письмо к покойному брату Николаю о личной порядочности...

...Год спустя, у А. П. начинается какая-то лихорадочная деятельность. Точно он хочет что-то навестать. Он много пишет, в 1888 г. едет в Крым, в Святые Горы («Святою ночью» и «Перекати поле»), затем в Абхазию, в Тифлис, за границу. В 1890 г. отправляется на Сахалин; едва только возвращается оттуда через Индию, как вскоре же уезжает в Ниццу. Я убежден, что на этот раз он уехал в Ниццу именно от чахотки...

...Лето 1885 и 89 г.г. брат провел на даче в Харьковской губ., в усадьбе Луки, Оумского уезда; но, сколько знаю, в истории

его творчества усадьба эта не играла особой роли. Я не могу указать ни одного места в его рассказах, где бы можно было узнать Луку. Сюда приезжали к нам гости: А. Н. Плещеев, П. М. Свободин, А. С. Суворин и К. С. Баранцевич. Ловили раков, рыбу, слушали дуэты виолончели и рояли, но уже не было того размаха молодости, той жизнерадостности, которыми сопровождалась жизнь в Бабыне. К тому же, здесь мы похоронили нашего брата Николая, умершего от чахотки... После похорон ездили в Ахтырку и в Сорочинцы, Полтавской губ.; но и эти чудесные поездки не оставили следа в произведениях брата. Малороссию он любил лишь платонически.

Затем А. П. уехал на Сахалин. Собрался он туда как-то сразу, вдруг. Тогда я кончал курс в университете и под впечатлением моих лекций (—юрист) он сразу засуматошился, собиравался. Начались подготовительные работы к поездке. Он собирал материалы. Знакомые барышни делали для него выписки в Румянцевской библиотеке, он доставал откуда-то фолианты о Сахалине. Работа кипела. В апреле 1900 г. брат двинулся в далекий путь. Железной дороги тогда еще не было, приходилось ехать реками и на тарантасе, а затем возвращаться через Индийский океан. Эта поездка дала ему «Воскряжес» и «Гусова». Своему же «Острому Сахалину» он придумал серьезное звучение. Это я вывожу из его фразы, с которой он раз обратился ко мне:

— А что, Миша, если за эту штуку да мне дадут доктора медицины, honoris causa, а?

Но этой степени ему не дали. Вероятно, не догадались. Лето 1891 г. брат провел в усадьбе Богимово, Калужской губ. Здесь мы снимали дом еще екатерининских времен, где, чтобы перейти через залу, наша мать присаживалась на полпути отдохнуть. Там велики были комнаты. Брату здесь очень нравилось. Из окон дома открывался великолепный вид на усадьбу Даниково, которую, помню, брату очень хотелось купить. Этот дом и усадьба Даникова (но не лица в них) описаны в рассказе «Дом с мезонином». В Богимове А. П. написал свою «Дуэль».

В 1892 г. брат приобрел уже свое собственное имение Мелихово. Здесь он прожил безвыездно до того самого времени, когда чахотка заставила его окончательно покинуть с Россией, бросить все и переехать на постоянное жительство в Крым. О Мелихове и о жизни брата в Мелихове уже писалось подробно и много в разных газетах, вскоре после его смерти. О брате, как о человеке, напечатано уже несколько воспоминаний, посвященных его памяти. Я не имел в виду писать о нем, как о человеке. Напечатано уже несколько воспоминаний, посвященных его памяти. Я не имел в виду писать о нем, как о человеке. Припелу еще только одну подробность.

Брат был выше предрассудков, но одно совпадение удивляло его всякий раз и его, и других, кто бывал в те минуты с ним. Это—звон. В какую бы пору дня или ночи брат ни проезжал мимо церкви,—всегда раздавался на ней звон.

— Ну, вот, слушай!...—всякий раз обращался он ко мне, когда мы подходили или проезжали к церкви.—Сейчас будут звонить... Я—Потемкин!

И действительно, начинался звон. Был ли то благовест или ударили часы, а то просто слышался из открытого окна алтаря бой часов,—но звон все-таки раздавался. Конечно, это было совпадение. Мы смеялись.

— Я—Потемкин!—почему-то говорил при этом брат.

О звоне знает и А. С. Суворин...

...Гимназистом шестого класса, Антон Павлович много читает, играет в бабки, возмущается учителями, которые кормят своих пансионеров, как собак, и чисто по-чеховски острит над Бичер-Стоу. В этом же классе он издаёт юмористический журнал «Занка», который высылает старшему брату в Петербург. Выписывает сам «Сын Отечества». Отдельные номера «Занки» уцелели до сих пор. Учеником 7-го и 8-го классов Антон Павлович очень любил ухаживать за гимназистками и, сколько знаю из его уроков мне, когда и тоже был гимназистом 7-го класса, романы его были жизнерадостны. В детстве он очень любил театр и на всех пьес, которые ему пришлось тогда видеть, больше всего он рассказывал мне о «Мамонкином сынке», «Ограбленной почте» и «Гамлете». Когда мы еще жили в Таганроге всей семьей, у нас часто происходили домашние спектакли, в которых Антоша-гимназист был главным воротилой. Помню, мы разыграли даже «Ревизора», в котором городничего играл Антон Павлович. Играли и на малороссийском языке про какого-то Чупруна и Чупрунху, где роль Чупруна исполнил все тот-же «увален» Антоша. Но самую любимую для Антона Павловича, кажется, была тогда им самим придуманная сцена про градоначальника. В гимназическом мундирчике с старинной ледушиной плашкой через плечо он представлял, как градоначальник стоит в табельный день в соборе и как затем, по окончании обедни, проводит смотр казакам. Эту сцену все с новыми вариантами он показывал часто и очень охотно.

Окончив же курс гимназии, Антон Павлович приехал к нам в Москву умевшим метко стрелять из ружья и отлично ездить на лошади. Научился он этому в степи на хуторе Крайнова и в имении Ивана Парфентьевича, к которым ездил из Таганрога три лета под ряд. Но об его сексурах там я, к сожалению, очень мало знаю.

На наше счастье, нам попалась превосходная няня Агафья Александровна Кумская, умеющая удивительно рас-

сказывать. Мастерница была рассказывать и папа мать. Няня все больше повествовала о таинственном, страшном, необыкновенном, а мать—о былом, как она девочкой ехала на тарантасе через всю Россию из Владимирской губ. в Таганрог, как нас бомбардировали в Севастопольскую войну французы и англичане и как скверно жилось крестьянам во время крепостного права. Читая произведения брата, я то и дело пахожу и на них черточки этих двух влияний. А поэтическое «Счастье» написано им безусловно под впечатлением рассказов няни.

Будучи учеником 7-го класса, Антон Павлович написал большую драму «Безотцовщина» и ужасно смешной поделкой «Не даром курица пела» и прислал их нам в Москву для прочтения. Я долго берег эти произведения, но, приехав затем в Москву поступать в университет, Антон Павлович отобрал их от меня и «Безотцовщину» разорвал на мелкие кусочки, а водевиль спрятал. Куда девался водевиль,—не знаю. Во второй же год по приезде в Москву, Антон Павлович написал еще одну большую драму «конокрадами, стрельбой, женщиной, бросающейся под поезд и т. п. Я переписывал эту драму и у меня от волнения холодело под сердцем. Как теперь понимаю, это было что-то очень громоздкое, но тогда казалось мне, гимназисту, верхом совершенства. Драму эту Антон Павлович, тогда студент второго курса, лично отнес к М. Н. Ермоловой на прочтение и очень желал, чтобы она поставила ее в свой бенефис. Не знаю, что ответила брату г-жа Ермолова, только моя старания четко переписать драму так и пропали даром; пьеса вернулась обратно и была разорвана автором на мелкие куски. От нее уцелела только одна фамилия «Войницкий», которая воскресла потом в «Дяде Ване». Из других пьес знаю очень трогательную пьесу «Барин», напращенную цыганкой, и несколько нескромный водевиль «Вртытый секретарь с pistolетом», о судьбе которого не знаю ничего. В этом водевиле выведена была редакция журнала с двухпальной проваторью. Один из сотрудников принес для напечатания бездарное стихотворение. И вот Антон Павлович должен был специально сочинять именно бездарное стихотворение, в котором четыре раза должно было повториться слово «стремглаз»...

...Антон Павлович был превосходный актер. Сколько знаю, он ни разу не участвовал в любительских спектаклях, но очень часто, чуть не каждый день, выступал у себя в семье, в своих собственных импровизациях. То он читал лекцию и изображал при этом старого профессора, то выступал в роли зубного врача, то представлял афонского монаха. Его первое произведение, напечатанное им в «Стрекозе» («Письмо к ученому соседу»), представляет собою, именно, одну из его лекций.

которую он в лицах разыгрывал перед нами. Аккуратно казавшийся вечер за ужином, изменив голос и становясь совершенно неузнаваемым, он рассказывал какую-нибудь смешную историю, от которой у всех нас начиналось колотье в боках. Очень смешно выходил у него экзамен на дьякона. Антон Павлович изображал дьячка, а старший брат—архиерея. Вытянув шею, которая становилась от этого старчески-жидкой и, изменив до неузнаваемости выражение лица, Антон Павлович старческим, дребезжающим голосом, как настоящий деревенский дьячок, должен был пропеть перед братом все иконы, кондаки и богородичны на все восемь голосов, задыхался при этом от страха перед архиереем, ошибался и в конце-концов все-таки удаивался архиерейской фразой:

— Во дьяконех еси!

Гримировался Антон Павлович так, что его не узнавали даже близкие его родные. Раз он нарядился нищим и, напишав просительное письмо, через весь город, в костюме, отпущенном к тяде и подав ему это письмо. Дядя не узнал его и подав ему три копейки. Вообще, Антон Павлович любил поведаться и любил, когда всесиделись другие. Если собирались родственные, он непременно помогал им тем или другим и паразитал и сам. Уже в Мелихове, будучи больным, он помог своей жене нарядиться худитаном и сам написал для нее просительное письмо следующего содержания (вразумлении подлинника): «Ваше Высокоблагородие! Будучи преследуемый в жизни многочисленными врагами и пострадал за правду, потерял место, а так же жена моя больна чревовещанием, на детей сын, потому покорнейше прошу пожаловать мне о щедрот ваших великодушному благородному человеку, Василию Спиридонову (Сволачев), Антон Павлович не пытался никак оправдываться в врачебной практике. Окончив курс в университете, он повесил на дверях вывеску «Доктор А. П. Чехов» и, повидимому, твердо решил быть врачом. Но его первые шаги в этом направлении, сколько помню, не были удачны.

Антон Павлович не был врачом-практиком: но, судя и тому, как он интересовался юридическими науками и как от лично знал все права, из него вышел бы превосходный юрист. Адвокатура была для него одной из завидных профессий и он долго не прощая мне того, что по окончании юридического факультета я не пошел сразу в адвокаты, «Будь адвокатом»,—часто он мне писал и говорил. Его «Остров Сахалин», которому он придавал значение диссертации,—предназначение скорее юриста, чем врача.

Но если Антону Павловичу не нравилась врачебная практика, то и занятия литературой его сначала пугали неизвестностью будущего (он хандрит, ибо страшился безденежной

будущего»). И только со времени первой посадки в Петербург он стал твердо верить в свое литературное призвание. В Петербург он поехал не сразу, как это делают теперь молодые писатели, а уже довольно поработав в московских изданиях. Где ему буквально платили гроши. За свой роман «Драма на выхоре», помещенный им в «Новостях Дня», которые тогда еле-еле скрепяли, он получал всего только по 3 рубля в неделю. Я тогда был студентом и ходил по редакциям за разговором, на что и имел от Антона Павловича удостоверение следующего содержания: «Медицинское свидетельство. Дано студенту императорского Московского университета Михаилу Павловичу Чехову, прапосланного вероисповедания, в удостоверение, что он состоит с 1865 года моим родным братом и уполномочен мною брать в редакциях, в коих я работаю, денег, сколько ему потребно, что подписом и приложением печати удостоверю. Врач А. П. Чехов. Москва, 1886 г., января 13 дня». На свидетельство этом наварена сургучная печать.

Бывало, придешь с этим документом в «Новости Дня» и получишь 3-х рублей и ждешь-ждешь, когда газетчики принесут выручку... Сидят сотрудники... Тут же девочка раздвигает гаммы на рояле. И почему-то ужасно хочется чаю.

— Чего вы ждете?—спросит, наконец, редактор, которому станет жалко обидящих.

— Да вот получить три рубля...

— У меня их нет... Где же я их возьму? Может быть, вы билет в театр хотите? Или брюки новые? Так сходите, к портному такому-то и возьмите у него брюки за мой счет!

И у него, действительно, не было денег. И нужно только удивляться, на какой тонкой ниточке держалось тогда журнально-газетное дело в России!

В то время Антон Павлович работал в «Будильнике», «Новостях Дня», «Москве» и «Свете и Тених». Два последние журнала, впрочем, скоро прекратились. Работа в этих органах обманывала его с поэтом Пальминым. Это был горький пьяница и жил с дамой, которую Антон Павлович прозвал фефелой. Фефела очень пила и, чтобы лишнего раз выпить, всякий раз обращалась к Пальмину с фразой:

— Лиодор Иванович, вам не пора идти пить?

Пальмин писал стихи в «Осколках» и был приятелем Н. А. Лейкина.

Однажды Лейкин приехал в Москву и пытался Пальмина из его берлоги, повез его проветриваться. Когда они ехали по Тверской, то им навстречу попался медный по тротуару молодой человек с длинными волосами.

— Вы знаете, кто это?—спросил Лейкина Пальмин.

— Нет,—ответил Лейкин.

— Это Чехов! Вот человек, которого следовало бы пригласить в «Осколки».

Разговор этот записан самим Лейкиным в памятную книжку Антона Павловича и, действительно, представляет собою эпоху в литературной деятельности Чехова. И я вполне понимаю Н. А. Лейкина, когда, встретившись со мною как-то в «Медведе», он прослезился и, ударив себя кулаком в грудь, сказал:

— Я Чехова родил!

Как бы то ни было, а именно благодаря описанной встрече на Тверской, Лейкин пригласил Чехова в «Осколки» и с этого момента вся литературная деятельность писателя стала переходить из Москвы в Петербург. Вслед за Лейкиным Антона Павловича приглашают сотрудничать в «Петербургской Газете» и именно здесь он помещает лучшие из мелких своих рассказов. Рассказы эти обращают на него внимание Д. В. Григоровича и Антон Павлович начинает сотрудничать в «Новом Времени», где Григорович был своим человеком. Таким образом, с Петербургом у Антона Павловича завязываются литературные связи и он собирается, наконец, туда сам. Петербург производит на него ошеломляющее впечатление.

В Петербурге у Антона Павловича завязалось близкое знакомство с Григоровичем, Плещеевым, Полонским, Лесковым. Григорович стал наезжать к Антону Павловичу в Москву, а Плещеев даже много времени гостил...

...А. Н. Плещеев прожил у Антона Павловича почти целый месяц в 1888 году, когда все мы жили в Малороссии в усадьбе Линтваревых «Лука». Это был уже тогда дряхлый старец, шамкавший слова. Но от всей его фигуры веяло каким-то обаянием, что-то с первого взгляда приковывало всех к нему. Барышни так прямо увлекались им...

...К Плещееву Антон Павлович относился с глубоким уважением, дорожил его мнением, но каждую минуту боялся за его здоровье. А. Н. очень любил мучное, а наша мать любила обкармливать, и то и дело Антону Павловичу приходилось быть врачом, чего, сколько знаю, он не любил.

Но старики-писатели вскоре поумирали, брат очень изверился в своих петербургских знакомых и сразу охладел к Петербургу. Такой-то стал лжив, — писал он мне, такой-то хитер, такие-то ничтожные люди во всех смыслах, а такой-то был хорош, да умер. И по мере того, как он старел сам и как ближе знакомился в Мелихове с жизнью, Петербург все более и более стал казаться ему праздным, холодным, эгоистичным. Зато Москва — он любил ее, как настоящий москвич. Он любил ее людей, ее климат, звон. Бывало, он соберет целую компанию и отправляется с нею пешком на Каменный мост слушать пасхальный звон. Жадно выслушав его, он отпра-

влялся бродить по церквам, из церкви в церковь, и с одеревеневшими от усталости ногами, только к концу пасхальной ночи приходил домой. В это время из приходской церкви уже возвращался любивший достоять все службы до конца отец, мы все хором пели «Христос Воскресе» (Антон Павлович басом) и садились разговляться. Антон Павлович выпивал рюмочки 3—4 водочки и шутил. Я не помню, чтобы Антон Павлович хоть раз, даже в Мелихове, провел пасхальную ночь в постели...

М. Чехов.

Комментарий

Чехов Михаил Павлович (1865–1936) – юрист, писатель, переводчик, театральный критик, младший брат и биограф А.П. Чехова.

Окончил юридический факультет Московского университета в 1890 году. Служил податным инспектором в Ефремове и Алексине Тульской губернии (1890–1892), Серпухове Московской губернии (1892–1894), Ярославле и Угличе Ярославской губернии (1894–1898).

Благодаря посредничеству А.П. Чехова, в 1901 году получил место в Контрагентстве А.С. Суворина, занимался распространением книг на железных дорогах. С этого времени тесно связан с книгоиздательством.

В 1905 году в годовщину смерти А.П. Чехова в «Журнале для всех» были опубликованы написанные М.П. Чеховым воспоминания о брате, новые их части публиковались в 1906 (там же), 1907 («Новое слово»).

В 1911–1916 годах вместе с сестрой Марией Павловной работал над изданием шеститомного собрания писем А.П. Чехова, написал к нему биографические очерки. В 1923 году вышла его книга «Антон Чехов и его сюжеты», в которой, приводя порою ценные свидетельства об окружении А.П. Чехова, возможных прототипических ситуациях, автор принижает значение творчества писателя.

Так же, как и М.П. Чехова, в своих мемуарах часто опирается не только на виденное им в действительности, но на письма А.П. Чехова, пересказывая их на свой лад.

Селиванов Иван Парфентьевич – таганрогский чиновник, брат Г.П. Селиванова, к которому с торгов перешел дом Чеховых в Таганроге на Елизаветинской улице. Ивана Парфентьевича Антон сопровождал в поездках по степи, гостил в его доме, а его дочь Саша стала впоследствии ученицей Антона – он был её репетитором в 1876 году в Таганроге.

Пётр Гаврилович Кравцов (1861–1919) – казак Гундаревской станицы, из дворян, сын Н.П. Селивановой. К поступлению в юнкерское училище его готовил А.П. Чехов, с которым он сдружился. Летом 1887 года А.П. Чехов гостил в имении Кравцовых Рагозина Балка.

... четыре лета – в имении Киселёвых Бабкино в Воскресенском уезде Московской губернии Чеховы провели три лета с 1885 по 1887 год.

«*Стрекоза*» – журнал сатиры и юмора с карикатурами, выходил в Петербурге с 1875 по 1908 год, позднее – с 1915 по 1918. Редакторы: Н.А. Богданов (1875–1879), И.Ф. Василевский (1879–1905).

«*Будильник*» – издавался 1865–1917 годах, сначала в Петербурге, а с 1873 года в Москве. С № 26 1876 года – сатирический журнал с рисунками и карикатурами, с № 13 1883 года – еженедельный сатирический журнал.

«Свет и тени» – журнал художественный и карикатурный. Выходил в 1878–1884 гг. еженедельно в Москве. Издатель-редактор Н.Л. Пушкарёв.

«Москва» – литературно-художественный журнал. Издавался еженедельно в Москве в 1882–1883 годах. Издатели Е.С. Сталинский и И.И. Кланг.

Чехов Иван Павлович (1861–1922) – педагог, брат А.П. Чехова.

... в 1880 году был назначен... – судя по документам, сохранившимся в семейном архиве, И.П. Чехов был назначен в Воскресенское училище в декабре 1879 года.

Голохвастов Павел Дмитриевич (1838–1892) – русский писатель, историк, филолог, публицист-славянофил. П.Д. Голохвастов с ранних лет занимался древней русской историей, в особенности Смутным временем, и оставил по (большей частью в рукописях) обширные работы, в том числе о Земских соборах

В 1884 году А.П. ... переехал на лето к нам в Воскресенск. – В более поздних мемуарах М.П. Чехов определял эту дату как время первого визита А.П. Чехова в Воскресенск и Звенигород. Это ошибка памяти. Впервые в Воскресенске и в Звенигороде А.П. Чехов побывал летом 1881 года.

Маевский Болеслав Игнатьевич (1838–1928) – полковник (по выходе в отставку генерал-майор); сын польского офицера, участника войны с Наполеоном и сражения под Лейпцигом, окончил Константиновское артиллерийское училище в Петербурге и перешел в Военную Академию, которую не окончил из-за отказа перейти из католичества в православие. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 года. В браке с Марией Александровной (урождённой Борисоглебской (1850–1924), у Маевского родилось трое детей: Анна, София и Алексей.

Архангельский Павел Арсеньевич (1852–1913) – врач, один из основоположников русской земской медицины, многолетний руководитель санитарной организации Московского губернского земства. Познакомился с А.П. Чеховым в 1881 году. Чехов не только проходил практику у Архангельского в 1881–1883 годах, но и заменял его на время отпуска в июне 1885 года.

В 1911 году в «Отчете благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1910 год» Архангельский опубликовал статью «Из воспоминаний об А.П. Чехове».

Успенский Сергей Павлович (1857 – после 1916) – врач звенигородской земской больницы.

Киселёв Алексей Сергеевич (1841–1904) – владелец имения Бабкино, близ Воскресенска, земский начальник и неперенный член Звенигородского уездного по крестьянским делам присутствия.

Бегичева (в замужестве Киселёва) Мария Владимировна (1847–1921) – детская писательница, дочь В.П. Бегичева.

Бегичев Владимир Петрович (1828–1891) – русский драматург, управляющий императорскими московскими театрами, в 1864–1881 годах – инспектор репертуара.

... *гувернантка* – Ефремова Елизавета Александровна, гувернантка детей А.С. и М.В. Киселёвых, прозванная в семье «Вафля». Сохранились воспоминания Н.В. Голубевой (Бегичевой) о ней и о пребывании Чеховых в Бабкине (см. Литературное наследство. М., 1960. Т. 68. С. 558–574).

Владиславлев Михаил Петрович (1825 или 1827–1909) – артист оперы (баритон, затем драматический тенор), артист драмы и камерный певец.

В 1848–1881 годах – солист московского Большого театра (начиная с 1870-х годов из-за ухудшения голоса выступал на вторых ролях). Покинув оперную сцену, перешёл в драматическую труппу Малого театра.

Чайковский Пётр Ильич (1840–1893) – русский композитор, хороший знакомый В.П. Бегичева и сыновей его второй жены М.В. Шиловской.

Даргомыжский Александр Сергеевич (1813–1869) – русский композитор, М.В. Киселёва была ученицей Даргомыжского.

Сальвини Томмазо (1829–1915) – итальянский актёр. В 1880, 1882, 1885, 1900–1901 годах приезжал в Россию. В 1903 году ушёл со сцены.

Левитан Исаак Ильич (1860–1900) – художник, близкий друг А. П. Чехова.

Киселева Александра Алексеевна (1875 - ?) (в замужестве Лютер, по второму мужу Стобеус) – дочь А. С. и М. В. Киселевых.

Дети... – помимо А.А. Киселёвой, Сергей Алексеевич Киселёв (1876 – ?) – сын А.С. и М.В. Киселёвых, впоследствии певец Большого театра.

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – русский писатель, поэт, публицист и драматург.

Писемский Алексей Феофилактович (1821–1881) – русский писатель, драматург.

Салтыков Михаил Евграфович (псевд. Н. Щедрин) (1826–1889) – русский писатель, публицист.

... *провёл на даче в Харьковской губ.* – имени семьи Линтварёвых.

Плещеев Алексей Николаевич (1825–1893) – поэт, переводчик, драматург, театральный критик, редактор стихотворного и беллетристического отделов журнала «Северный вестник». Плещеев отметил талант молодого Чехова после прочтения сборника его рассказов «В сумерках», в особенности высоко оценил он рассказ «Святою ночью».

Знакомство Плещеева и Чехова состоялось в Петербурге 10 или 11 декабря 1887 года. В имении Линтварёвых на Луке Плещеев прожил около трёх недель (приехал около 20 мая 1888 года).

Свободин (Вольф; Козиенко; Матюшин) Павел Матвеевич (1850–1892) – русский актёр, писатель, близкий друг А.П. Чехова. Служил в Театре Ф.А. Корша и Александринском императорском театре, где играл роли и в пьесах А.П. Чехова.

Приехал к Чеховым в Сумы 31 мая 1889 года с сыном Мишей. Во время пребывания на Луке Свободин, как отмечал А.П. Чехов в письме 9 июня, к его великому «удивлению и удовольствию, сбросил с себя маску “образованного” актёра и дурачился, как мальчик. Он пел, кривлялся, ловил раков во фраке, пил и вообще вел себя так, как будто не читал Лессинга».

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) – русский писатель, издатель. Издатель газеты «Новое время». Познакомился с Чеховым в декабре 1885 года. Гостил в Сумах у Чеховых в конце мая 1889 года.

Баранцевич Казимир Станиславович (1851–1927) – русский писатель. Начал литературную работу в конце 1870-х – начале 1880-х годов с публикаций в юмористических журналах «Стрекоза», «Осколки» и в газетах «Русские ведомости», «Новости» бытовых зарисовок из жизни городской бедноты, мелкого чиновничества.

В дальнейшем печатался в «Северном вестнике», «Русском вестнике», «Наблюдателе», «Русском богатстве», «Вестнике Европы», «Живописном обозрении», «Всемирной иллюстрации» и других журналах.

Познакомился с Чеховым в декабре 1887 года. В имении Линтварёвых Баранцевич был с 25 июня до начала июля 1889 года. Чехов приглашал Баранцевича и 22 апреля 1889 года на «недельки 3–4» к себе «на дачу» на Луке, где хотел бы «создать климатическую станцию для пишущей братии», но Баранцевич не приехал.

В апреле 1900... – опечатка. Чехов отправился в путешествие на Сахалин и на Восток из Москвы 21 апреля 1890 года.

Богимово – село в Калужской губернии на реке Мышеге. А.П. Чехов жил в Богимове с 18 мая по 4 сентября 1891 года. Писатель снимал второй этаж усадьбы помещика Евгения Былим-Колосовского.

Здесь он прожил безвыездно... – Это, конечно, не так. С 1892 по 1899 год Чехов неоднократно выезжал из Мелихова не только в Москву и Петербург, но и в Ялту, и во Францию, например.

Бичер-Стоу Гарриет Элизабет (англ. Harriet Elizabeth Beecher Stowe; (1811–1896) – американская писательница, автор знаменитого романа «Хижина дяди Тома» (1852), входившего в круг чтения Чехова-гимназиста.

«Сын Отечества» – вероятно, имеется в виду литературная и политическая газета, издававшаяся в Петербурге с 1862 по 1901 год.

Отдельные номера «Заики» уцелели до сих пор... – В настоящее время местонахождение этих рукописных журналов неизвестно.

«Маменькин сын» – комедия в 3-х действиях Эмиля де Нажака и Альфреда Неокля Эннекена (перевод с французского П.А. Каратыгина).

«Ограбленная почта» – драма в 5 действиях, 7 картинах (в переводе с французского Ф.А. Бурдина).

«Гамлет» – трагедия в 5 действиях У. Шекспира.

«Ревизор» – комедия в 5 действиях Н.В. Гоголя 1835 года.

...про какого-то Чупруна и Чупрунису – скорее всего, имеется в виду одноактная пьеса И.П. Котляревского «Москаль-чарівник» (1819).

Кумская Агафья Александровна – няня детей Чеховых в Таганроге. Некоторые из историй, рассказанных А.А. Кумской, сохранились в записи Ал.П. Чехова.

... написал ещё одну большую драму... – «Пьеса без названия» (найдена в чеховском архиве и впервые опубликована в 1923 году; впоследствии ошибочно опубликована как «Безотцовщина»).

Ермолова Мария Николаевна (1853–1928) – актриса Малого театра. Заслуженная артистка Императорских театров (1902).

*...бездарное стихотворение –
Прости меня, мой ангел белоснежный,
Подруга дней моих и идеал мой нежный,
Что я, забыв любовь, стремглав туда бросаюсь,
Где смерти пасть... О, ужасаюсь!*

В могильный склеп с груди горячей,
Убитый, раненый, лежащий,
Стремглав я падаю... Не плачь, прости,
Все птицы будут петь и розы цвести
Над свежерытой могилой,
Куда меня злой рок стремглав опустит.
Тогда поймешь, как я страдал,
Как я любил свой идеал...
Над ней стремглав взойдет моя идея
Во образе цветов, ландышей, роз приятных;
Тогда по повелению таинств непонятных
Из гроба буду я вставать стремглав ночами
И, отравясь цветов благоуханьем,
Как чудной девицы лобзаньем,
Уйду обратно в гроб стремглав с прослезненными
глазами...

Автограф стихотворения неизвестен. Впервые приведено М.П. Чеховым в воспоминаниях (см.: *Чехов М.П. Об А. П. Чехове // О Чехове*. М., 1910. С. 267–268). По указанию В.А. Брендера стихотворение «Прости меня, мой ангел белоснежный...» написано братом Чехова Николаем Павловичем. В Полном собрании сочинений и писем А.П. Чехова (М., 1874–1983) помещено в раздел «Коллективное».

Стихотворение использовано в рассказе А.П. Чехова «О, женщины, женщины!...» (1884) в следующем виде:

Сквозь дым мечтательной сигары
Носилась ты в моих мечтах,
Неся с собой любви удары
С улыбкой пламенной в устах...

Прости меня, мой ангел белоснежный,
Подруга дней моих и идеал мой
нежный,
Что я, забыв любовь, стремглав туда
бросаюсь, Где смерти пасть... О,
ужасаюсь!

... *он помогал моей жене наряжаться хулиганом.* – Об этом сохранились воспоминания самой О.Г. Чеховой (Владыкиной), опубликованных впервые в статье: Орлов Э.Д. Воспоминания О.Г. Чеховой (Владыкиной) в контексте семейных мемуаров и переписки // *Чехов в меняющемся мире: биография, комментирование, поэтика*. Великий Новгород, 2023. С. 107–116.

... «я хандрил, ибо страшился безденежного будущего» – строки из письма А.П. Чехова родным от 13 марта 1887 года, поставленные, правда, в иной контекст. В письме А.П. Чехов не соотносит страх безденежья со своей литературной работой: «Сначала я хандрил, ибо скучал и страшился безденежного будущего, но ныне чувствую себя положительно и с

характером».

«Новости дня» – ежедневное издание (с 1885 года – Ежедневная политическая, общественная, литературная газета. Ежедневное издание; с 1888 года – Ежедневная политическая, общественная и литературная газета). С № 2248 1889 года – «Новости дня». Газета издавалась с 1 июля 1883 года по 1906 год. Издатель-редактор А.Я. Липскеров.

Пальмин Лиодор (Илиодор) Иванович (1841–1891) – поэт, переводчик. В 1860-е был одним из наиболее активных сотрудников журнала «Искра», в 1880-е публиковал в изданиях различных общественно-политической направленности («Русская мысль», «Стрекоза», «Наблюдатель», «Развлечение», «Осколки», «Всемирная иллюстрация»).

Автор переводов либретто опер «Тангейзер» Рихарда Вагнера (1876), «Дон Карлос» (1876) и «Трубадур» (1878) Джузеппе Верди.

Выпустил несколько сборников стихотворений: «Сны наяву» (1878); «Собрание стихотворений» (1881); «Цветы и змеи. Сатира, юмор и фантазии» (1883).

Лейкин Николай Александрович (1841–1906) – русский писатель, драматург, редактор журнала «Осколки» с 1882 по 1906 годы.

Однажды Лейкин приехал в Москву... – Имеется в виду октябрь 1882 года.

«Осколки» – литературно-художественный еженедельный журнал. Издавался в Петербурге с 1881 по 1916 год. А.П. Чехов активно сотрудничал в «Осколках» с 1882 по 1887 год, поместив в них более 270 произведений.

«Медведь» – ресторан в Петербурге, открытый в 1878 Эрнестом Иегелем на Большой Конюшенной улице, 27. В 1880-х годах ресторан приобрело Петербургское городское кредитное общество, затем его владельцем стал Павел Григорьевич фон Дервиз. В 1890-х годах ресторан приобрёл Алексей Судаков, владелец ресторана «Яр» в Москве. Был закрыт в 1917 году.

Посетителей ресторана у входа встречало чучело медведя с подносом в лапах. Это стало своеобразной визитной карточкой ресторана. В заведении подавали в основном блюда русской кухни.